

НИКОЛАЙ ФИЛАТОВ

№ 5. ГОРОДСКОЙ ВЪСТНИКЪ

Одноактная пьеса для камерной сцены

© Николай Филатов

Ключевые параметры пьесы:

Формат: Одноактная пьеса для камерной сцены

Жанр: Исторический детектив / Драма / Мистический триллер

Хронометраж: ~90 минут

Референсы (театральные): «Ревизор» Н.В. Гоголь, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевский, «Служанки» Ж. Жене, «Инспектор» по мотивам Гоголя в постановке К.С. Станиславского.

Готовые материалы: логлайн, синопсис, пьеса.

Дополнительно: к пьесе прилагается запись авторской песни.

Логлайн:

В Санкт-Петербурге конца XIX века редакция газеты «Городской Вестник» расследует появление таинственного «Летучего Миража» — человека, парящего над городом в черном костюме. Журналисты втягиваются в опасный заговор, связанный с коррупцией, кражей научных изобретений и убийством, где главным подозреваемым оказывается сам градоначальник.

Синописис:

Журналист Петр Басманов становится свидетелем полета таинственной фигуры в черном макинтоше над зданием городской Управы. Главный редактор Строганов связывает это с разработками профессора Арсеньева, украденными из его лаборатории. Фотограф Елизавета Орлова предоставляет размытый снимок "Миража", и газета публикует сенсацию, указывающую на градоначальника.

Градоначальник пытается замять скандал, утверждая, что полет был "подарком" друзей. Информатор Алексей приносит документы о растрате казенных средств, но вскоре оказывается подставной фигурой в чужой игре. Расследование приводит команду к убитому актеру Николаю Ивановичу — двойнику градоначальника, который летал вместо него. На месте убийства находят осколок устройства профессора Арсеньева.

Пилот аэростата Степан Исаич признается, что личный врач градоначальника, доктор Лебедев, подстроил крушение, используя украденные технологии Арсеньева. Лебедев хотел скомпрометировать градоначальника и передать власть его конкурентам — купцам Сидоровичу и Петрову, спонсировавшим авантюру. После ареста Лебедева газета публикует разоблачительную статью, но цена правды оказывается высокой: погиб невинный актер, а тень коррупции остается над городом.

Финал: Правда как бремя

Хотя преступники наказаны, команда «Городского Вестника» осознает, что их победа горька. Редактор Строганов произносит финальный монолог о долге журналиста: «Не в триумфах состоит наше служение. Наш долг — блюсти светоч истины». На фоне криков газетчиков, продающих сенсационный выпуск, звучит зловещий электрический свист — напоминание, что технологии могут служить и злу.

ПЕРСОНАЖИ ПЬЕСЫ: «ГОРОДСКОЙ ВЪСТНИКЪ»

Ярослав Михайлович Строганов, 50–55 лет. Главный редактор газеты. Идеалист с железной волей, говорит архаичной лексикой.

Петр Герасимович Басманов, 35–40 лет. Журналист. Честный, прагматичный, чувствителен к опасности.

Елизавета Александровна Орлова, 28–32 года. Фотограф-исследователь. Хладнокровна, иронична, первая сфотографировала "Мираж".

Градоначальник (Гавриил Дементьич), 60–65 лет. Властный, лицемерный, замешан в заговоре.

Профессор Арсеньев, 60+ лет. Ученый-изобретатель. Его технологии похищены и использованы во зло.

Алексей, 40–45 лет. Информатор, бывший служащий Управы. Живет в страхе.

Мадам Петрова, 50+ лет. Хозяйка квартиры актера Николая Ивановича.

Газетчики, 12–16 лет. Коллективный образ "голоса улицы".

СЦЕНА КАБИНЕТ РЕДАКТОРА "ГОРОДСКОГО ВЕСТНИКА". ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. #1#

(Комната затянута табачным дымом. Горит газовый рожок. Ярослав Михайлович разбирает бумаги. Петр Герасимович что-то пишет пером. Елизавета Александровна протирает объектив громоздкой камеры. За окном – туман, скрип экипажей).

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Не отрываясь от бумаг) Петр Герасимович, заглавный материал к завтрашнему номеру? Расследование о муниципальных ассигнованиях на... парковую зону у реки, кажется?

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Совершенно верно, Ярослав Михайлович. Документы свидетельствуют о вопиющих несоответствиях сметы и реальных затрат. Городской голова, судя по всему, замешан по самой макушку.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Бросает взгляд на Елизавету) А у вас, Елизавета Александровна, что есть? Оживляющий контраст к муниципальной прозе жизни?

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Интервью с профессором Арсеньевым, сударь. Утверждает, что на пороге величайшего открытия – передачи материи на расстояние. Телепортация, как он это именует. Звучит фантастично, но человек он серьёзный. И я его словам поверила.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Затягивается трубкой, прищурившись) Фантастично? В нашем городе, сударыня, порой и не такое увидишь. Что ж, готовьте материалы. Петр Герасимович, вы опять здесь до рассвета засидитесь? Неужели не доделали что-то?

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Признаюсь, Ярослав Михайлович, извольте... Намеднишним вечером усердствовал я над окончанием заметки сей, дабы срок не упустить. Усердствовал, можно сказать, сверх меры. А когда, наконец, оторвался от корректурных листов и взор мой упал на циферблат, — о ужас! — стрелки показывали уже четвёртый час пополудни! Вольность позволю себе зевнуть — извините великодушно. Совершенно изволил я сбиться со счета времени, не могу и числа вспомнить, одолела бессонница да керосиновая лампа дымила...

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Понимаю, понимаю вас. Тогда, Петр Герасимович, не сочтёте ли за труд одолжить мне ваш экипаж до дому доехать? А вы, Елизавета Александровна, не могли бы составить в поездке компанию? Сегодня... гм, самочувствие оставляет желать лучшего, чей-то нездоровится... Вчера с приятелем... статским советником Абрамовым засиделись за беседой. Представляете меню: дичь, жаренная на костре – пальчики оближешь! Овощи прямиком из оранжереи купца Свиридова... и под финал – домашний кролик. И, главное, полный графинчик доброго... шотландского бренди... незаметно опустошили. Редкий сорт, к слову сказать. От соседа моего приятеля презент. Ну так что, Елизавета Александровна, соизволите оказать старику услугу?

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: О чем речь, Ярослав Михайлович. Вопросов быть не может.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Тогда возьмите ключи от моего редакционного кабинета и поедем...

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Как скажите, Ярослав Михайлович.

(Ярослав Михайлович и Елизавета Александровна уходят. Петр Герасимович остаётся один. Гасит основной свет, оставляя лишь настольную лампу. Погружается в работу).

СЦЕНА КАБИНЕТ РЕДАКТОРА. ГЛУБОКАЯ НОЧЬ. ПРОИСШЕСТВИЕ. #2#

(Тусклый свет керосиновой лампы. Петр Герасимович склонился над бумагами. За окном — туман, редкие фонари. Внезапно — громкий звон разбитого стекла.)

(Петр вздрагивает. Подходит к окну, раздвигает тяжёлую портьеру. В тумане — чёрная тень,

стремительно пронсящаяся над крышей напротив. За ней — свистящий треск, словно разряд электричества.)

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Шёпотом, бледнея) Что за чертовщина?..

(Дверь с грохотом распахивается. Вбегает Ярослав Михайлович — без пальто, с тростью, взволнованный.)

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Петр Герасимович! Вы здесь? Слава Богу — застал вас на рабочем месте!

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Ярослав Михайлович! Вы вернулись? Не вы ли с небес ли снизошли?

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Помилуй Бог! Не приведи Господи! Забыл свой портсигар в кабинете и вынужден был воротиться за сей необходимой вещицей... Но скажите: вы видели ... летучую тень?

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Торопливо крестится) Да, так и есть. Не обмануло меня око. Лицеизрел летучую тень сию, мелькнувшую во мгле... Но распознать облик не смог: очертания расплывчаты были, зыбки... А звук... Господи помилуй! Слово сухие сучья под невидимой ногой. Но силуэт... (Понижает голос, оглядывается)

Он напомнил мне... одного человека. Очень известного в городе. Чьё имя... страшусь произнести вслух. Дабы беды не накликасть.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Жёстко, с внезапным блеском в глазах) Не «что-то», Петр Герасимович! Клянусь честью — это был он! Городской Голова! Гавриил Дементьич!

(Хватает его за рукав)

Облачён в чёрный макинтош, что струился, аки смоль, и... в обтягивающие трико, словно комедиант! Тот самый... «Летучий Призрак», о коем крестясь шепчутся в трактирах и на постоянных дворах бабы да мужики! И направлялся он... (хватает собеседника за рукав) напрямиком к зданию городской Управы! Слово парящее над жилищами привидение — к своему гнезду!

(Пауза. Оба молчат. Слышен далёкий свист ветра.)

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Тихо, с нарастающим осознанием) Но... этот треск. Петр Герасимович, припомните: о чём толковал профессор Арсеньев на лекции в Обществе естествоиспытателей? О «волнах эфира»? О передаче материи... силою науки?

(Смотрит в окно, глаза сверкают)

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Вы думаете, сие событие связано с открытием известного учёного? Но как такое возможно? Это же чистый воды бред!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: А что, если это не бред? Что, если за сей фантазией скрывается нечто иное — реальное? Что, если кто-то использовал идеи профессора для... иного применения? Переброски грузов? Полётов людей?

(Поворачивается к Петру.)

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Как мне видится, это — готовый материал для нашей газеты! Весьма пикантный и... наукой пока неразгаданный! (Указывая на бумаги) Все прочие заметки — к чёрту! Сей сенсационный случай — вот искра, что возгорится пламенем в умах горожан!

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Вскакивает, зажигает лампу) Слушаюсь-с! Номер переверстаю к утру — хоть до петухов сидеть придётся. (Горько)

А вы... изволите удалиться под пение цыган? Дело ваше барское... Да пребудут с вами лёгкий

ветерок и серебро портсигара, как блеск ночного светила. (С горечью, но с достоинством)

А меня ждёт диван, что жёстче камня мостовой. Но будьте покойны — статью выбью, как гвоздь в подкову! (Сжимает карандаш)

Каждый шорох теперь — будто тот самый треск. Каждая тень — будто макинтош мелькнёт...

(Крестится) Словно сам нечистый, али наука лихая, бродит по граду.

(Собирается с духом) Отчёт составлю точный. Без домислов. Но осторожность в выражениях соблюду. Как же иначе, коли сам Градоначальник замешан? (С уверенностью) К завтрашнему утру — материал будет на вашем столе. А уж ежели ОНО вновь явится... (Достаёт записную книжку) ...не дозволю сонному уму исказить факты. Сию минуту опишу.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Надевая пальто, с тростью в руке, поворачивается к Петру) Оставаясь без сторожа, будьте, Петр Герасимович, бдительны и осторожны. Не дайте ни тьме, ни соблазну проникнуть в сей святой придел истины.

(Серьёзно, с оттенком заботы) И помните: в случае переутомления, слабости, недомогания, тоски по родимому очагу, внезапной меланхолии или апатии душевной — не медля ни мгновения, прибегайте к надёжному средству: выпейте одну, от силы две рюмки шутовского коньяка.

(С лёгкой иронией) Сие не пьянство, милостивый государь, а профилактика, дабы ум не затуманился, а перо не дрогнуло в руке. Здоровье ваше — не ваша личная собственность, но сокровище редакции. Берегите его, как зеницу ока.

(Уже у двери, оборачивается) А коньяк — не роскошь, а средство бодрости и мужества. Пусть стоит на столе, как арсенал против ночного уныния. С Богом!

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Не беспокойтесь, Ярослав Михайлович. Всё будет в порядке. Я с ночными бдениями давно свыкся. Вам желаю благополучно добраться до дома. Да минует вас... эээ... подобное привидение на пути.

(Ярослав Михайлович уходит. Петр остаётся один. Садится за стол. Дрожащей рукой хватается перо. Записывает.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: «Чёрная тень. 01:17. Над Управой. Треск. Макинтош. Трико. Силуэт — Гавриил Дементьич?»)

(Гасит лампу. Остаётся лишь свет от окна. Тишина. И — вдали — снова свистящий треск.)

СЦЕНА КАБИНЕТ РЕДАКТОРА. УТРО СЛЕДУЮЩЕГО ДНЯ. ОБСУЖДЕНИЕ ПЕРЕДОВИЦЫ.#3#

(Сотрудники находятся в редакции, возбужденно обсуждают ночное происшествие.)

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Коллеги! Намедни ночью над городом парил в воздухе человек. В чёрном макинтоше, с маской на лице. Люди кричали — «Летучий Мираж»!

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Я рискнула запечатлеть неведомое на коллодионную пластину?! (Торопливо вытирая очки о платочек, придвигает коптящую лампу ближе) Вот сию драгоценность! (Рассматривает пластину при свете, ахая) Господи помилуй... Да это же... материальное доказательство! Пусть тень расплывчата и негатив не ясен... Но сам факт, что оно отразилось в серебре и селитре, а не в одном лишь помрачённом уме хроникёра!

(Ставит пластину на конторку, как святыню, обложив её томами «Свода Законов».)

Сия недопроявленная муть... Ведь ежели призрак — порождение эфира или электрической силы... разве может он отпечататься на стекле, как обычный извозчик у трактира? А вот ежели материя его... колебалась меж мирами... тогда пластина и не могла схватить ее внятно!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Вдруг хлопает себя по лбу) Так вот откуда тот треск!

Барышня, да вы не просто свидетель... вы экспериментатор! Ваша пластина — первый научный документ в деле о Летучем Призраке! Пусть химики потом критикуют: недодержали, передержали, проявитель холодный... А нам-то что? Нам нужна сенсация! Заголовок: «Тайна чёрного макинтоша: фотографическое доказательство явления неизвестной природы у здания городской управы!»

(Нервно теребя цепочку карманных часов) Но... ради Бога, барышня, молчите пока! Не то наш градоначальник... ой, то есть, пардон, мираж ... узнает, что его запечатлели на серебре и желатине фотопластины... Кто ж ведаёт, сколь далеко простирается эфирное чутье подобных сущностей?..

(Редактор начинает утренне наставление своим сотрудникам.)

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Вот заглавная статья номера, который выйдет завтра. Петр Герасимович! Читай ее вслух! Я так лучше воспринимаю написанное.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: «Отроки, проворные, как ящерицы меж камнями брусчатки, уже ринулись в сутолоку градских улиц! Вихрем носятся меж экипажей, гремящих по бульжику, лавируют меж пешеходов, затянутых в сюртуки и шумящих юбками. В руках их — пахучие свежей типографской краской листки, «Городской Вестник»!

Голоса их, звонкие, порой сильные от крика, разрывают утренний гул:

Завидев солидного господина или востепенную барышню, малец подскакивает ближе, тычет газетой почти под самый нос, глаза горят лихорадочным блеском набравших копейку и невероятной новости:

«Господинъ хорошій! Барышня! Слушайте! Городской голова нашъ... не челоуѣкъ!» — шепчетъ онъ, озираясь, будто боясь, что самъ предметъ разговора изъ тени подслушаетъ. — «Летучій Миражъ! Словно марево ночное! Словно дымъ изъ трубы! Постигли, сударь? Постигли, барышня? Всѣ свидѣтели въ изумленіи! Въ газетѣ все прописано, какъ есть!»

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Елизавета Александровна! Продолжай читать статью далее!

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: И снова, набирая воздуха, чтобы перекричать грохот трамвая, онъ заливается, какъ петушокъ на заре: «Эксклюзивъ! Городской голова — «Летучій Миражъ»! Не сказки, не бредни — факты! Спешите! Послѣдній выпускъ!»

Копейки звенятъ в ладони, мокрые от волнения и бега газеты переходят из рук в руки. А мальчишки, подоткнув потрепанные картузы, уже мчатъ дальше, к следующему перекрёстку, где толчея гуще, крича все то же, невероятное, леденящее душу: «Эксклюзивъ! Голова нашъ — Летучій миражъ! Постигли? Сенсация! Гарантія тиража! Читайте «Городской Вестник»!

Словно горохъ, рассыпались вестники скандала по каменнымъ ущельямъ города, неся на крыльяхъ утренняго ветра новость, отъ которой стынетъ кровь и пухнуть тиражи. Истина ли, вымыселъ ли — не важно нынче! Важно, что Летучій миражъ уже витаетъ надъ городомъ, отпечатанный на дешевой бумагѣ и выкрикиваемый сильными голосами запыхавшихся мальчишекъ. Градъ замеръ въ ожиданіи... и потянулся за газетой.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Но, Ярослав Михайлович, как сие доказать? Ни Световых картинок, ни достоверных свидетельств очевидцев, коих мы бы нашли...

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Пустяки, Петр Герасимович! Свидетели найдутся, улики обнаружатся! Елизавета Александровна, ваша камера наготове? Запечатлеть его воочию — вот наша задача!

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Безусловно, Ярослав Михайлович. Пластины заряжены, аппарат наготове.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Превосходно. Тогда к делу. Кто он сей таинственный страж? Подлинный защитник, наконец взявшийся за беззаконие на улицах? Или же хитроумный интриган, играющий горожанами, как пешками, прикрываясь личиной «спасителя»? Ибо за каждым благодеянием – политический расчёт. За каждым «благоустроим город» – новые интриги и тайные совещания. Заголовок сияет в моем сознании: «Обличие Призрака: Истинный Лицедей или Маска для Манипуляций?»

(Все принимают за работу. В воздухе витает дух предвкушения).

СЦЕНА КАБИНЕТ РЕДАКТОРА. ДЕНЬ. ПРИХОД ГРАДОНАЧАЛЬНИКА. #4#

(Троица работает. Дверь резко открывается. Входит Городской Голова, в безупречном сюртуке, но с явным волнением).

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: Ярослав Михайлович! Петр Герасимович! Елизавета Александровна! Умоляю вас, выслушайте меня! Вчерашнее происшествие - это всего лишь... нелепая шутка, розыгрыш! Я могу все пояснить!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Спокойно, затягиваясь трубкой) Розыгрыш, Ваше Превосходительство? Вы утверждаете, что парили над городом в столь... экстравагантном облачении ради шутки?

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: Да, именно так и было, честное слово! Это была задумка моих приятелей... Они приготовили такую неожиданность к моим именинам. Однако... ситуация приняла неожиданный и, признаю, досадный оборот.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Но почему же вы не предупредили нас об этом заранее? Вы таким образом могли бы избавить журналистское сообщество от излишнего волнения!

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: Я желал, дабы сюрприз для всех горожан был полным. Но теперь, когда вы в курсе... я лелею надежду, что сия история не увидит света на передовой странице вашей уважаемой газеты.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Ваше Превосходительство, Истина для нас священна. Однако ... тон публикации зависит от многих факторов... Ваше эксклюзивное интервью могло бы послужить... смягчающим обстоятельством, так сказать.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Именно так, Ваше Превосходительство. Мы преподнесём произошедшее событие так, что скандал обратится в ваш подвиг. Вас будут люди вспоминать... как героя. Главное для вас – довериться нам.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (С облегчением) Хорошо, я согласен. Но умоляю, не делайте из сего события сенсацию. Я только хотел... пошутить.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Договорились, Ваше Превосходительство. Мы сделаем акцент на вашем чувстве юмора и оригинальности организации мероприятия. Петр Герасимович, Елизавета Александровна, приступайте к работе над новым текстом.

(Мэр уходит, стараясь сохранить достоинство).

СЦЕНА КАБИНЕТ РЕДАКТОРА. ПОЗДНЕЕ. РАБОТА НАД СТАТЬЁЙ. #5#

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Ходит по кабинету) А ведь Петр Герасимович прав! Первое наше расследование о парковых ассигнованиях... Неужели забудем о нем? Оно-то ведь висит над нами неразрешенным! Работы там – непочатый край.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Совершенно верно, Ярослав Михайлович. Мы могли бы увязать обе темы. Образ «Летучего Миража» может стать частью разоблачения растрат.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Блестящая мысль! Мы продемонстрируем, что городской голова не

только эксцентричен, но и тратит казённые средства на собственные прихоти.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Согласен, Петр Герасимович, материал взрывной. Ты доводишь текст до совершенства. Елизавета, ключевой визуал – городской голова в сей... экипировке. Твоя сложнейшая задача: уговорить его позировать и сделать фото. Друзья, справитесь со всеми заданиями?

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Безусловно, Ярослав Михайлович. Уже по аппарату связалась с приятелями градоначальника – они готовы предоставить картинки.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Превосходно. Тогда без лишних слов приступаем к делу! Петр Герасимович, городская казна – это ваша вотчина. Елизавета Александровна, костюм «Летучего Миража» – ваш объект расследования. А я займусь заголовком-бомбой и финальной корректурой статьи.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: А как насчёт интервью Градоначальника, Ярослав Михайлович? Его объяснение могло бы смягчить её тон.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Кивнув одобрительно) Верно, Петр Герасимович. Примем его объяснение как есть, но факты, кои нам достоверно известны, выставим напоказ. Пусть цифирь да бумаги сами за себя говорят. Читатель — народ неглупый, сам смекнёт, к чему клонится дело. Главное — чтобы между пересказом слов его превосходительства и голой правдой черта была проведена чётко. Так и держаться надлежит — без отступлений...ибо от сего зависит честь нашего издания и доверие почтеннейшей публики.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: А что, если добавить его цитаты, дабы показать попытки оправдания?

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Весьма дельно, Елизавета Александровна. Это придаст глубину публикации. Петр, справишься свести в один клубок?

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Да, Ярослав Михайлович. Мы явим правду, но так, чтобы читатель понял и его мотивы.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Тогда в атаку! Сделаем сей выпуск незабываемым.

(Смотрит на карманные часы) Интервью с городским головой через час. Елизавета, проверь аппаратуру. Петр, сверь факты по парку.

(Все погружаются в работу. Слышно лишь скрип перьев и тиканье часов. Чувствуется атмосфера напряжённой сосредоточенности). Занавес.

СЦЕНА КАБИНЕТ РЕДАКТОРА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. ВИЗИТ ИНФОРМАТОРА. #6#

(Троица работает. Секретарь вводит нервного человека - Алексея).

СЕКРЕТАРЬ: Ярослав Михайлович, сей господин утверждает, что обладает важными документами, касающимися парковых ассигнований.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (секретарю) Пропустите его, быстрее!..

СЕКРЕТАРЬ: Слушаюсь, Ярослав Михайлович. (К Алексею) Не буду воспрепятствовать. Заходите.

(В кабинет входит молодой человек среднего сословия.)

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Переводит взгляд на Петра и Елизавету) Коллеги, будьте начеку. Готовьте блокноты. Похоже, наша история делает крутой вираж.

АЛЕКСЕЙ: (Кланяясь) Благородного вам вечера, достопочтенные господа! Позвольте представиться – я Алексей, долгие годы нёсший службу счетоводом в стенах Городского Правления. Имеются у меня веские свидетельства того, что градоначальник обращал государственные финансы к личной выгоде своей. Дозвольте представить доказательство

моим словам.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Алексей, сие известие крайне важно для нас. Прошу, присаживайтесь и поведайте нам все известные вам подробности.

(Алексей садится, открывает толстую папку, достаёт бумаги.)

АЛЕКСЕЙ: Собирались мною сии документы месяцами тяжкого труда. Отражают они постыдные растраты государственных средств, употреблённых на украшение городского сада, а также удовлетворение прихотей градоначальника нашего. Так, велись закупки строительных материалов, совершенно ненужных для благоустройства означенного места отдыха горожан, кои затем были проданы родственникам и приятелям его превосходительства.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Весьма серьёзное обвинение. Есть ли конкретные тому подтверждения?

АЛЕКСЕЙ: Вот копии счетов и договоров. А также... (достаёт фотографические карточки) их светописные рисунки. В них подробно изложено, как расходы города шли не на благоустройство парка, а на потворство капризам господина градоначальника. Например, покупались стройматериалы, совершенно бесполезные для нужд паркового хозяйства, а потом перепродавались родным и друзьям начальствующего лица. Прилагаю сюда копии документов, договоров и даже снимки некоторых предметов, приобретённых городом и оставшихся невостребованными.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Ярослав Михайлович, это может стать основой новой публикации. С этими уликами история обретёт неоспоримость.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Согласен, Елизавета Александровна. Алексей, благодарим вас. Мы непременно используем в своей работе сии доношения. И опубликуем их ближайшем номере.

АЛЕКСЕЙ: (Нервно поправляя воротничок) Я... я рад оказать содействие, коли потребно. Лишь одно прошу вас смиренно – да сохранится моё имя тайным, вне слуха людских толков. Прошу безмерно! Боюсь наказания жесточайшего, ежели станет известно, что дерзнул открыть истину. Не ведаете вы, какими карами грозит подобная гласность тому, кто посмеет бросить камень в дела градоначальника нашего.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Твердо, спокойно глядя в глаза Алексею, успокаивающим жестом руки) Алексей, дышите глубже. Ваши опасения нам понятны. Не беспокойтесь.

(Подчёркивая) Ваше имя не будет упомянуто ни в единой строке статьи. Гарантируем полнейшую анонимность. Гарантия тому - наш профессиональный долг и честное моё слово, как редактора.

(Поворачивается к команде, тон деловой, энергичный)

Петр Герасимович, Елизавета! Внимание сии свидетельства - ключ к интересному материалу. Вплетайте их в текст немедленно. Делайте на них главный акцент. Пусть факты, явленные Алексеем, станут нашим центральным аргументом в разоблачительной статье.

(Алексей с облегчением кивает. Команда с новым рвением берётся за работу. В приоткрытую дверь заглядывает секретарь.)

СЦЕНА РЕДАКЦИЯ «ГОРОДСКОГО ВЕСТНИКА». РАННЕЕ УТРО. #7#

(Сумрачный кабинет редактора в старом петербургском доме. Высокие окна едва пропускают серый свет зимнего утра. Воздух пропитан запахом типографской краски, пыли и старой бумаги. На массивном дубовом столе Ярослава Михайловича Строганова, заваленном рукописями и гранками, горит керосиновая лампа. Сам Строганов, в сюртуке с отложным воротником, стоит у окна, его профиль резок в полумраке. Петр Герасимович

Басманов и Елизавета Александровна Орлова стоят рядом, готовые к действию. Ощущается напряжённая тишина перед бурей.)

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Не оборачиваясь, голос низкий, веский) Коллеги, внимайте. Нынешний день – не рядовой. (Поворачивается, его взгляд остр, как клинок) То, что мы ныне выпустим в свет... это не просто разоблачение. Это – истина, способная перевернуть представление тысяч душ о человеке, держащем в руках бразды правления нашего града. Помяните – за каждым приведённым фактом стоим мы. И наша совесть.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Ярослав Михайлович, заметка завершена. Она готова к печати.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Ярослав Михайлович, я также завершила работу над иллюстрациями. Все готово.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Отлично. Тогда надлежит отправить материал в типографию. Елизавета Александровна, вы свяжетесь с заведующим типографии?

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Несомненно, Ярослав Михайлович. Я уже все приготовила.

(Внезапно резко звонит колокольчик телефонного аппарата на стене. Ярослав Михайлович снимает трубку.)

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ Алло? Слушаю... (Слушает, выражение лица меняется от настороженности к горькому пониманию) Его Превосходительство? Так точно... (Слушает, кивает) Понял вас. Благодарю за извещение. (Вешает трубку.)

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Тревожно) Ярослав Михайлович, что случилось?

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Это был сам Градоначальник. Он просит отложить публикацию до завершения выборов. Вещает, что замышляет величественные планы и не желает, дабы сие повредило его репутации в глазах избирателей. (Пауза. Строганов опускает голову, потом говорит тише, с горечью, словно размышляя вслух.) Показалось мне... будто он не звонил, а вошёл сюда, в сии двери. Словно ничего не случилось. Сел насупротив меня. С умилением на лице молвил: «Ярослав Михайлович, отложите публикацию. До выборов. После оных – выпускайте в свет в газетах или на афишах. Но ныне... ныне я созидаю нечто важное»... (Проводит рукой по лицу) ... Говорил о «новом лике Петербурга». О «доверии горожан». О том, что «ежели ныне выйдет статья – все порушится. Народ утратит веру». Вообразите? Он не грозил. Не повелевал. Умолял. Как отец убеждал сына.

(Пауза. Смотрит прямо на коллег.) ... И ведаете ли, что страшнее всего? В нем было... нечто подлинное. Не личина. Не игра. Нечто, от чего на миг и сам едва не уверовал, что он – спаситель. Что, может, и впрямь с оглаской надобно повременить. (Твердеет голос)... Но мы не публикуем вести по просьбам. Истина не ждёт удобного часа. Она взрывается. Он не по чину пригласил нас к себе, чтобы обсудить отмену публикации.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Ярослав Михайлович, речи ваши прекрасны и убедительны. Но у нас все готово к печати! Как же отменять статью ныне? Мы сорвём выпуск номера!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Ведаю о том, Елизавета. Но Гавриил Дементьич молил нас о том как о личной милости. Он поклялся, что по завершении выборов мы сможем опубликовать материал безо всяких препон.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Твердо) Ярослав Михайлович, мы не можем позволить ему манипулировать нами! У нас есть неопровержимые улики, и мы обязаны их обнародовать!

(Тишина. Где висело напряжение, теперь повисает решимость. Петр кивает. Елизавета медленно снимает очки, кладёт его на стол – словно откладывая последние сомнения.)

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Решительно) Петр Герасимович прав. Мы не вправе поддаться давлению. Наш долг – возвещать истину, вне зависимости от предвыборной суеты. Елизавета Александровна, отправляйте материал в типографию! Пусть приступают к печати! Пусть ведает Его Превосходительство: мы – не его личная газетёнка. И коли он помышлял договориться с нами... Ныне пусть ведёт речи с избирателями. (Горькая, но исполненная достоинства улыбка) Завтра утром газета должна быть у Разносчиков.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Хорошо, Ярослав Михайлович. Я сию минуту свяжусь с типографией.

(Елизавета Александровна спешно выходит. Ярослав Михайлович и Петр Герасимович остаются.)

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Ярослав Михайлович, а что, коли Градоначальник попытается воспрепятствовать печати?

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: У нас есть все доказательства, и мы обнарудим их, даже если что-то случится в последний миг. Петр Герасимович, давайте готовиться ко всему.

(Внезапно в кабинет вбегает перепуганный молодой секретарь, мальчик на побегушках.)

СЕКРЕТАРЬ: Ярослав Михайлович! В типографии начали готовить тираж со СТАТЬЕЙ о Градоначальнике, но там сказывают... что некто пытается помешать процессу!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Некто пытается помешать? Его люди или кто?

СЕКРЕТАРЬ: Так точно, Ярослав Михайлович! Сказывают, что Он прислал их, дабы остановить печать!

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Вскипая) Сие беззаконие! Мы обязаны защитить наше дело!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ (Решительно, хватая портфель) Петр Герасимович, Елизавета Александровна! (В дверях появляется вернувшаяся Елизавета) Нам надлежит немедленно ехать в типографию! Мы не позволим им остановить выпуск! Работаем быстро! Хватайте все бумаги, клише, что нужно! Скорее к извозчикам! И отправляемся к градоначальнику, а затем в типографию – сию же минуту!

(Все трое стремительно собирают документы и уходят. В кабинете остаётся перепуганный секретарь.)

СЕКРЕТАРЬ: (Шёпотом, глядя им вслед) Помогите им Господи... «Городской Вестник» не должен умолкнуть.

СЦЕНА ГУБЕРНАТОРСКИЙ КАБИНЕТ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. ВЕЧЕР.#8#

(Мрачный, обшитый тёмным дубом кабинет Градоначальника Санкт-Петербурга, Его Превосходительства Сергея Владимировича Оболенского. Высокие окна затянуты тяжелыми портьерами, свет льётся от массивной хрустальной люстры и настольной лампы под зеленым абажуром, стоящей на огромном, заваленном бумагами письменном столе. В воздухе витают запахи воска, дорогого табака и старой кожи. Городской голова, в безупречном вицмундире, украшенном орденами, стоит за столом, обращаясь к собравшимся представителям прессы. У стены, на строгих венских стульях, сидят редактор либеральной газеты «Городской Вестник» Ярослав Михайлович, его ведущий репортер Петр Герасимович Басманов и художница-корреспондент-фотограф Елизавета Александровна Орлова. Лица всех троих напряжены и сосредоточены.)

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (Обращаясь к собравшимся, голос ровный, но холодный) Благодарю вас за присутствие, господа. Я собрал вас ныне дабы дать отповедь гнусным наветам и клевете, кои решила опубликовать газета «Городской Вестник». Сии пасквили суть не что иное, как подлая ложь, сплетенная с единственной целью – опорочить мою честь и подорвать доверие ко мне накануне важных для города решений, а также выборов.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Встает, его осанка пряма, взгляд тверд) Ваше Превосходительство, «Городской Вестник» руководствуется лишь долгом перед читателем и поиском истины. Мы обладаем документальными свидетельствами, подтверждающими наши утверждения. Мы готовы предоставить их на суд независимой комиссии.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (Легкая, снисходительная улыбка тронула его губы) Ярослав Михайлович, уверен, вы введены в заблуждение. У нас имеются все казенные бумаги и отписки, неоспоримо доказывающие, что средства из городского бюджета были употреблены строго по назначению. Ваши домыслы безосновательны.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Также поднимается, его голос звучит четко) Ваше Превосходительство, мы располагаем заверенными копиями счетов и договоров подряда, которые указывают на обратное. Мы готовы предъявить их для немедленной проверки компетентными лицами.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: (Встает в свою очередь, спокойно) И я, Ваше Превосходительство, располагаю зарисовками и описаниями материалов, кои были закуплены по смете, но так и не поступили на стройплощадку городского парка. Эти свидетельства также готовы к осмотру.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (Тень раздражения мелькнула на его лице, голос стал жёстче) Я готов рассмотреть ваши... улики. Но предупреждаю, я уверен, что сии бумаги суть не более чем искусная подделка, изготовленная вашими осведомителями или, возможно, моими недоброжелателями.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Наклоняет голову) Мы готовы предоставить все собранные свидетельства независимой комиссии, созванной по вашему же распоряжению, Гавриил Дементьич. Мы убеждены, что истина в поднятом нами вопросе восторжествует.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (Снова натянутая улыбка) Прекрасно, Ярослав Михайлович. Поступим так. Но будьте уверены – ваша газета впала в тяжкое заблуждение.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Мы готовы к любому исходу сих разбирательств. Благодарю вас, Ваше Превосходительство, за вашу готовность выслушать доводы либеральной прессы.

(Официальное заявление завершено. Собравшиеся журналисты начинают расходиться. Ярослав Михайлович, Петр Герасимович и Елизавета Александровна остаются на мгновение в почти опустевшем кабинете.)

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Тихо, наклоняясь к Строганову) Ярослав Михайлович, полагаю, нам надлежит немедля подготовить дополнительные копии документов для сей независимой комиссии.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: (Также тихо) И нам следует ожидать любых вопросов, даже провокационных. Ярослав Михайлович, не подготовить ли заранее возможные ответы на нападки?

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Кивает, его взгляд остёр) Вы правы, оба. Петр Герасимович, Елизавета Александровна, будем готовы ко всякому повороту событий. Мы обязаны встретить любой результат во всеоружии.

(Они направляются к выходу. Проходя мимо молодого чиновника, записывавшего протокол, Ярослав Михайлович наклоняется к своим спутникам и шепчет столь тихо, что слова едва различимы.)

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Шёпотом) Он ведёт опасную игру. Будьте готовы к отпору. Собираемся в типографии через полчаса.

(Занавес стремительно падает, оставляя в воздухе ощущение лишь начавшейся схватки и решимости троих журналистов.)

СЦЕНА ТИПОГРАФИЯ «СВЕТОЧ». САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. #9#

(Огромное, мрачное помещение частной типографии «Светоч». Высокие потолки теряются в полутьме, слабо освещенной керосиновыми лампами. Воздух густ от запахов краски, свинца и машинного масла. Гул печатных станков приглушен – они стоят. Стеллажи с еще не связанными стопками свежих газет.)

(Ярослав Михайлович, Петр Герасимович и Елизавета Александровна стоят у главного пресса рядом с заведующим печатью, суровым мужчиной в промасленном фартуке. Внезапно дверь распаивается, и в типографию властно входит Градоначальник, Действительный статский советник Гавриил Дементыч, в сопровождении двух чиновников из Губернского Правления и человека в штатском – явно охранника. Его лицо – маска холодного гнева.)

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Встречая его, твердо) Где заведующий? Мы должны немедленно начать печать!

ЗАВЕДУЮЩИЙ ПЕЧАТЮ: (Кланяясь) Я здесь, Ярослав Михайлович. Цех к работе готов. Но докладывая на территории присутствуют неизвестные лица, кои умышленно чинят препятствия, пытаюсь не допустить запуска тиража. Кроме того, хочу прискорбно доложить, что во время спуска набора к печатному станку случился чрезвычайный казус: весь комплект литер первой страницы был по неосторожности рассыпан рабочим. По сей причине означенная страница не могла быть отпечатана в срок. В возмещение сего досадного недоразумения, текст помянутой страницы будет отпечатан отдельным чрезвычайным приложением и разослан вместе со следующим номером.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Горячо) Нет, так дело не пойдёт! Материал у нас в руках есть, мы выпустим его, несмотря ни на что! Не начнёте работу сами, тогда напечатаем тираж в типографии Ефрона!

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Так точно! Мы готовы ко всему. Наш долг – донести правду до людей. Читатели ждут новый номер газеты.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (Подходя вплотную) Ярослав Михайлович, я просил вас отложить публикацию до проведения выборов! Почему вы не вняли моей просьбе?!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Доказательства собраны, Ваше Превосходительство. Мы обязаны их обнародовать. Наша газета для того и существует, дабы информировать общество о происходящих событиях и обеспечивать прозрачность власти. Посему политический календарь не властен над нашим долгом публиковать факты.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: Вы не постигаете подобное осуществить, сколь сие важно для меня! Я прошу вас... как о личном одолжении!

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Ваше Превосходительство, вашу позицию мы уразумели. Но играть по таким правилам не можем. На нас лежит ответственность перед читателями. К тому же, после прошлой выборной кампании, из-за скудного финансирования мы были вынуждены сократить трех сотрудников.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Подтверждаю слова Ярослава Михайловича. Ваше Превосходительство, сия публикация неотвратима. Не в силах мы скрыть истину от народа. Священный долг наш — возвестить, дабы горожане открыли очи и узрели суть сего деликатного происшествия. Правда, как солнечный луч, должна пронзить мрак недомолвок и тайн.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (Горько усмехаясь) Ну что ж... коли вы столь принципиальны... Делайте, что влечёт вас. Но имейте в виду – вам же горше будет. Не говорите после, что не предупредил вас о последствиях.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Мы готовы к любому исходу. Господин Заведующий,

начинайте печать.

ЗАВЕДУЮЩИЙ ПЕЧАТЬЮ: Так точно, Ярослав Михайлович. Запускаем сию минуту.

(Раздаётся резкий звонок, станки с грохотом и лязгом приходят в движение. Городской голова и его свита мрачно наблюдают. Ярослав Михайлович, Петр Герасимович и Елизавета Алескандровна стоят рядом, глядя, как первые оттиски с заголовком о городском голове выходят из-под прессы.)

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (Тихо, но отчётливо, глядя на Строганова) Вы сделали свой выбор. Надеюсь, вы ведаете, что сие означает.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Мы ведаем, Ваше Превосходительство. И мы готовы к любому повороту событий.

(Ярослав Михайлович оборачивается к Петру и Елизавете.)

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Поедем обратно. Нам надлежит быть в редакции, когда сие грянет.

(Но отойти не успевают. Внезапно городской голова быстрым шагом снова приближается к ним, его лицо покрыто нервным потом. За ним – два растерянных работника типографии. Он швыряет на контрольный стол перед Строгановым пачку смятых бумаг.)

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (Голос срывается) Ярослав Михайлович! Немедля остановите печать! Вы совершаете чудовищную непоправимую оплошность!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Холодно) Оплошность? В фактах, кои мы перепроверили вдоль и поперёк? Или в том, что вам не удалось их сокрыть?

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (Тычет пальцем в бумаги) Взгляните! Вот доказательства! Деньги за сей... сей дурацкий полет! Костюм, гелий для шаров, аренда места сие всё не казённые деньги! Сие подарок! Подарок, гешефт от моих приятелей! Ко дню моего тезоименитства! Они желали сделать сюрприз!

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Резко хватая одну из бумаг – банковскую расписку, вглядывается) Иван Сидорович... Сергей Петрович... Да ведь это ваши...

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (Перебивая, почти крича) Да! Мои приятели! Меценаты! Они скинулись! Их личные капиталы! Ни гроша из казны! Ваше «изобличение» – ложь! Вы, милейший, изволите погубить мою репутацию на пустом месте!

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕСКАНДРОВНА: (Тихо Строганову) Бумаги... выглядят подлинными. Даты совпадают с полётом.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (Наступая) Вы обязаны снять материал! Немедля! Или при выпуске статьи должны будете опубликовать опровержение! Иначе я...

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Резким жестом останавливает его. Его взгляд становится острым, аналитическим. Берет у Петра бумагу, быстро изучает. Несколько секунд тягостного молчания. Затем медленно поворачивается к Петру и Елизавете, голос низкий, командный) Петр Герасимович, Елизавета Алескандровна Внимайте новой команде. Переписываем. Весь материал. Полностью.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Потрясенно) Ярослав Михайлович?! Но... факты о костюме, полете... они же... имели место быть...

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Твердо, указывая на бумаги в руке Градоначальника) Вижу новые факты, Петр. Важнейшие. Наш материал зиждется на ложной посылке – использовании в своих целях казённых денег. Ныне мы ведаем, что деньги были личные. Но сие не отменяет сути, а меняет фокус. Кардинально.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕСКАНДРОВНА: (С пониманием) С подарка... на дарителей?

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Кивает, с жёсткой улыбкой) В точку. Петр, твоя задача – молниеносно перекроить текст. Главная тема ныне не «Градоначальник потратил казну на полет на воздушном шаре», а «Кто и зачем подарил городскому голове полет в костюме «Ночной Тени» за две недели до выборов»?

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Лицо озаряется, хватая блокнот) Иван Сидорович... его контора лишь на днях выиграла подряд на реконструкцию набережной... Сергей Петрович пробивал в свою сторону изменения в плане застройки под свой пассаж...

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Указывая пальцем) Вот туда и копай, Петр! Связи, подряды, лоббизм. Был подарок? Или мзда? Или вложение в лояльность? Собирай цепь. Каждый целковый в сем «подарке» открывает дверь в новое расследование.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (Бледнеет, осознавая последствия) Ярослав Михайлович! Сие же... Сие частные лица! Вы не можете...

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Холодно оборачиваясь) Мы можем и обязаны, Ваше Превосходительство. Вы сами предоставили ключ. Ныне стоит вопрос: почто ваши приятели-меценаты, имеющие казённые подряды на сотни тысяч целковых, сочли уместным дарить вам столь... экстравагантные и дорогие дары накануне выборов? Сие и станет темой номера. Благодарю за уточнение. (К Елизавете) Елизавета!

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕСКАНДРОВНА (Уже с блокнотом для зарисовок) Я здесь, Ярослав Михайлович.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Сделай световые рисунки сих бумаг! Крупно! Метко! Имена, суммы, даты! Сие станет главной иллюстрацией на первой полосе! Рядом – крупно костюм Ночной Тени из наших архивных зарисовок. Контраст должен вопиять. Все стеклянные негативы спрячь в моем сейфе. (К Петру) Петр, сколько времени тебе надобно на переделку?

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Листая блокнот, строча) Час. От силы полтора. набросок уже в голове.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Смотрит на карманные часы, потом на замершего в ужасе Заведующего) Готовьте машины к запуску через полтора часа. Новый оригинал-макет к этому времени будет закончен. (К градоначальнику) Ваши «приятели», Гавриил Дементыч, лишь удесытерили опасность нашей статьи. Для вас и для них тоже. (Работникам типографии) Печать возобновляется. (Городскому голове) Вы можете остаться и лицезреть весь процесс от а и до ижицы

(Петру и Елизавете) А мы возвращаемся в редакцию.

(Городской голова отступает, лицо его искажено смесью ярости и паники. Ярослав Михайлович разворачивается к команде, его поза – концентрация и решимость. Взмахом руки командует на выход. Гул печатных станков начинает нарастать, как предвестие нового удара.)

СЦЕНА РЕДАКЦИЯ «ГОРОДСКОГО ВЕСТНИКА». САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. ЧУТЬ ПОЗЖЕ.#10#

(Помещение редакции. Все сотрудники трудятся в поте лица. Входит секретарь.)

СЕКРЕТАРЬ: Ярослав Михайлович. Тут один господин настаивает на общении с вами. Он не удосужился представиться... Но очень настырный...

(Внезапно дверь снова открывается. На пороге - запыхавшийся, растрёпанный профессор Арсеньев).

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Впусти его, раз он настаивает.

(Заходит зрелого возраста мужчина.)

ПРОФЕССОР АРСЕНЬЕВ: (Голос дрожит от возбуждения) Ярослав Михайлович! Вы должны меня выслушать! Это дело не терпит отлагательств! Моя лаборатория... ее взломали! Все! Все мои чертежи, мои аппараты... исчезли! И... (смотрит на Алексея, затем на Ярослава Михайловича, понижая голос) ...

И я вспомнил! Эти счета! Материалы! Они... они похожи на те, что я закупал для моих экспериментов! Те, что я упоминал вам! Гелий, специальные сплавы, изоляционные ткани... Их купили! И... (с ужасом) ...они использовали мои идеи! Не для телепортации... а для... для обычного полёта!? Для «Парящего Призрака»! Это не шутка! Это кража! Но самое страшное, они... они могут использовать мои изобретения для чего-то ужасного!

(Команда ошеломлена. Ярослав Михайлович бросает быстрый, пронизательный взгляд на счета в руках Алексея, затем на профессора).

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Голос стал ледяным) Профессор... Успокойтесь. Вы утверждаете, что технологии, использованные для создания «Парящего Призрака», основаны на ваших похищенных изобретениях?

(Раздается колокольчик звонка. Редактор берет трубку телефона.)

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Редакция «Городской Вестник». Я вас слушаю. (В трубке звучат слова.) Подождите, не так быстро. Я записываю. (Пишет что-то на листке.)

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Ярослав Михайлович, что-то случилось?

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Сейчас сообщили об убитом, который очень похож на нашего градоначальника, но можно так выразиться, это может оказаться его двойником. Петр и Елизавета, никуда не уходим. Сразу после окончания разговора с профессором - выезжаем на место события. Итак, милейший, продолжайте своё повествование.

ПРОФЕССОР АРСЕНЬЕВ: (Кивая, сжимая руки) Продолжаю! Мой резонатор... он мог создавать поля, снижающие вес! А гелиевые шары... их модифицировали! Это не было просто зрелищем, развлечением! Это ... это было настоящее испытание! Или... или что-то еще! Кто-то заказал это! Кто? Градоначальник? Его приятели-меценаты? Или... (шепчет) ... третья сила, которая хочет его скомпрометировать?

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Смотрит на Петра и Елизавету, его взгляд полон новой, опасной решимости) Петр Герасимович, Елизавета... Наша история вышла на новый уровень. Это уже не просто скандал. Это кража научных достижений, возможно, убийство (если предположить смерть возможного двойника) и заговор. Профессор, вы дали нам ключ к разгадке. Вы отныне наш невольный союзник. Мы должны разыскать истинного заказчика. И мы должны найти, что на самом деле произошло с тем человеком, который летал.

(К Алексею) Алексей, ваши бумаги... они могут указать на источник финансирования.

(К команде) Работаем. Новая цель раскрыть тайну «Парящего Призрака» и найти тех, кто стоит за этим.

Профессор, вы останетесь с нами, как партнер. Обеспечение вашей безопасности - теперь и наша задача. А сейчас мы выезжаем на место преступления.

Мы вас вынуждены покинуть. Отправляемся на место происшествия.

(Все герои уходят со сцены.)

СЦЕНА ТРУЩОБЫ НА ОКРАИНЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. НОЧЬ.#11#

(Туман стелется по грязным улицам. Газовый фонарь слабо освещает темный двор. В луже

лежит тело в черном трико и макинтоше с капюшоном - костюм «Парящего Призрака». Рядом - разбитый, обгоревший фонарь и странный, похожий на осколок металла, предмет, испускающий слабое голубоватое свечение. Елизавета Алесандровна снимает фотоаппаратом, Петр Герасимович осматривает место, Ярослав Михайлович наблюдает за полицией, которая только что прибыла. Сотрудник сыскной полиции, молодой, но серьёзный, делает записи в протоколе).

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Тихо, Елизавете) Что видишь, Елизавета Алесандровна? Что показывает объектив фотокамеры?

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕСКАНДРОВНА: (Осторожно опуская камеру) Смерть наступила от падения с большой высоты, Ярослав Михайлович. Отмечается перелом шеи. Но... (указывает на голову жертвы) Посмотрите - капюшон сдвинут. Это не Его Превосходительство. Совсем не похож. Лицо... изможденное. Никогда не видела его раньше.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Наклоняется, трогает ткань костюма) Костюм - дешевый, Ярослав Михайлович. Не атлас, а грубый шелк. И... (достаёт из кармана пиджака жертвы смятый билет) Билет в театр «Малый». На завтрашний вечер. Имя в билете - Николай Иванович. Адрес... (читает) улица Стремянная, дом 17, квартира 4.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Заметив осколок) Петр Герасимович, сюда. Что это за предмет?

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Осторожно поднимает осколок с помощью носового платка.)

Металл... странный. Холодный. И это необъяснимое свечение... Ярослав Михайлович, это же похоже на те описания профессора Арсеньева! Похоже на деталь его «эфирного резонатора»!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Берет осколок, разглядывает его в свете фонаря) Так-с... Профессор, выходит, не бросал слов на ветер. Его опыты - сущая правда. И оные приспособления здесь применялись. Стало быть, сей полёт - не выдумка, хоть сыщики потом и станут уверять, будто всё подстроено. А обломок - явное тому подтверждение. Он прямо указывает на лабораторию Арсеньева... да и на негодяев, кои её обчистили. Господин надзиратель, сей предмет - вещественное доказательство. Пусть он останется при нас. Он может послужить неоспоримым свидетельством преступления против науки.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: (Неуверенно) Господин Строганов, я не могу передать его вам... Поймите меня правильно. Служба, есть служба...

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Холодно, с ледяной вежливостью) Вы, сударь, в силах были сие совершить, но изволили не пожелать того. Или, быть может, возжелали вы, дабы истина о кончине сего несчастного (отчетливым жестом указывает на тело) навсегда осталась скрытой от общества?

(Поворачивается к спутникам, голос становится тверже, веским и зловещим)

Петр Герасимович, Елизавета Алесандровна перед нами разверзается новая бездна. Гораздо более мрачная и гибельная, нежели та, что мы чаяли. Мы обязаны держать путь к профессору Арсеньеву. Нам надлежит постичь, каким роковым образом его, с позволения сказать, дьявольские механизмы привели к гибели Николая Ивановича. Итак, отправляемся по месту его проживания.

(Затемнение.)

СЦЕНА УЛИЦА СТРЕМЯННАЯ, КВАРТИРА 4. ДЕНЬ. #12#

(Бедная, захламленная квартира. Петр и Елизавета опрашивают пожилую хозяйку, мадам Петрову. Ярослав Михайлович наблюдает за комнатой).

МАДАМ ПЕТРОВА: (Плачет) Николай Иванович... такой тихий, скромный человек. Актер он был, играл в мелких театрах. Платил вовремя. (Плачет) Николай Иванович... он не

вернулся. Сказал — «меня наняли за хорошую плату. Полетать в костюме». А потом... произошло неожиданное падение.

А вчера... вчера пришли какие-то господа в дорогих сюртуках. Говорили, что у Николая Ивановича есть долг... огромный долг. Что если он не заплатит сегодня же, то... (делает жест рукой у горла) Сегодня утром я нашла дверь открытой... а его... его в комнате нет.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Господа в сюртуках... Вы запомнили их?

МАДАМ ПЕТРОВА: Один... один был в очках, с бородкой... врач, наверное. Другой - молодой, с жестким взглядом... как охранник.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: (К Ярославу) Врач... Как доктор Лебедев, личный лекарь Его Превосходительства?

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Кивая, глаза сверкают) Похоже это доктор Лебедев, который курирует его «лечение». Интересно, что это за долг у бедного актера перед такими высокопоставленными людьми? Петр Герасимович, осмотрите комнату. Ищите письма, записки, что угодно.

(Петр находит в ящике комода старую театральную афишу, где Николай Иванович играет роль, очень похожую на молодого Князя Оболенского).

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Возбужденно) Ярослав Михайлович! Афиша! И... накладная от Сидоровича и Петрова! Конверт с печатью «Компания Сидоровича и Петрова» с накладной на поставку костюма «Ночной Страж» по адресу мастерской костюмера. Они поставили ему костюм! Значит, они знали! Они были вовлечены в эту историю!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Берет накладную, затем смотрит на осколок в своём кармане) Да... Они поставили костюм. Но кто поставил технологии? Кто ограбил профессора? Елизавета Александровна, снимайте все на карточки. Петр Герасимович, запишите рассказ хозяйки. Нам нужно найти этих «господ в сюртуках». И нам нужно вернуться к профессору Арсеньеву. Его изобретения - нить, ведущая к убийце.

СЦЕНА РЕДАКЦИЯ «ГОРОДСКОГО ВЕСТНИКА». СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ. УТРО. #13#

(Кабинет Строганова залит бледным утренним светом. Ярослав Михайлович, Петр Герасимович и Елизавета Александровна собрались у стола, покрытого черновиками и отчётами. Лица напряжены, атмосфера тяжёлая после бури предыдущих дней.)

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ

(Голос серьёзен, в нем звучит усталость, но не сломленность)

Коллеги, ныне мы должны признать горькую правду. Алексей, бывший бухгалтер, принёсший нам компрометирующие бумаги... оказался не тем, за кого себя выдавал. Он не просто мстил Князю Оболенскому - он был использован. Наша ошибка была в том, что мы поверили в простую причину - личную обиду - и не увидели за этим более глубокой игры.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Потрясенно) Использован? Но его доказательства казались столь убедительными! Копии счетов, договоры... все с печатями! Как мы могли пропустить такой подлог?

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: (С горечью, разглядывая документы) Ярослав Михайлович прав. Мы были ослеплены важностью находки в отношении Градоначальника. Мы не проверили его мотивы должным образом, не задали вопрос кому это выгодно? Ключевые документы - полня фальсификация. Но многие из них, касающиеся мелких расходов... они подлинные. Это и сбило нас с толку. Нам подбросили правду, перемешанную с ложью, чтобы наша статья выглядела достоверной, но вела к нужному заказчикам исходу.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Именно так и есть, Елизавета Александровна Это не

случайность. Это операция. Кто-то хотел, чтобы мы атаковали Градоначальника. Зачем? Чтобы дать ему повод закрыть нашу газету, объявив нас орудием клеветы? Или, наоборот, чтобы спровоцировать его на отчаянный шаг, который его и скомпрометирует? Мы обязаны признать свою ошибку, но не для того, чтобы пасть, а чтобы выйти из хитроумной ловушки с честью.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Мрачно) Ярослав Михайлович, сие будет тяжело. Мы утратим доверие читателей. Репутация «Городского Вестника»... под вопросом...

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Но честность - наш наиважнейший принцип. Мы не можем утаивать правду. Ярослав Михайлович, не следует ли нам также принести извинения... самому Градоначальнику?

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Кивая, но с недоверием в глазах) Весьма резонно, Елизавета Александровна Мы должны быть готовы к последствиям. Петр Герасимович, возьмёшься за составление повинного заявления?

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Выпрямляясь, с решимостью) Да, Ярослав Михайлович, возьмусь. Мы покажем, что «Городской Вестник» не боится признавать свои оплошности, но и не сдаваться.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Хорошо. Тогда приступим. Надлежит действовать быстро, дабы свести к минимуму урон.

(Внезапно резко звонит телефонный колокольчик. Ярослав Михайлович снимает трубку.)

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Алло? Слушаю... (Слушает, выражение лица меняется от усталости к настороженности) Его Превосходительство? Понял... Благодарю за извещение. (Вешает трубку.)

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Тревожно) Ярослав Михайлович? Что случилось?

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Это был Действительный статский советник Гавриил Деметъич. Он предлагает встретиться... дабы обсудить положение и найти способ возместить урон, нанесённый нашими публикациями.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: (С надеждой) Сие добрый знак. Может, он готов к примирению? К восстановлению справедливости?

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Холодно) Или это следующий ход в его игре. Будем начеку. Петр Герасимович, Елизавета Александровна, готовьтесь к встрече. Мы должны быть честны, но не наивны. Мы принесём извинения за ошибку, но будем помнить он сам мог быть инициатором этой провокации, чтобы уничтожить нас.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Ярослав Михайлович, я готов. Мы покажем, что «Городской Вестник» действует по совести, но не по указке.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: И нам следует быть готовыми к любым вопросам. Ярослав Михайлович, не подготовить ли возможные ответы на... неприятные обвинения?

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Твердо) Вы правы. Петр Герасимович, Елизавета Александровна, будем готовы ко всему.

(Внезапно в кабинет вбегает запыхавшийся молодой секретарь.)

СЕКРЕТАРЬ: Ярослав Михайлович! Градоначальник прибыл! Ждёт в конференц-зале! И... (пауза, понижая голос) ... с ним некто. Кажется... это ... тот сам Алексей.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Нахмурившись, его взгляд становится аналитическим) Алексей? Здесь? С Его Превосходительством? (Пауза.) Это слишком... символично. Петр Герасимович, Елизавета Александровна, осторожность и выдержка. Не забывайте, кто мы и за что стоим.

(Все трое быстро собирают бумаги - черновик заявления, заметки. Решительно выходят. Секретарь остаётся в опустевшем кабинете.)

СЕКРЕТАРЬ: (Шёпотом, глядя им вслед и молясь.) Господи, помоги им... «Городской Вестник» не должен пасть.

(Занавес)

СЦЕНА КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ РЕДАКЦИИ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. ВЕЧЕР. #14#

(Просторный, строгий зал для совещаний. Дубовый стол, кресла с высокими спинками. Действительный статский советник Гавриил Дементьевич сидит во главе стола, его поза выражает усталое достоинство, но глаза остры, как бритва. Рядом с ним, опустив голову, стоит Алексей - теперь он выглядит не таинственным информатором, а жалким и растерянным человеком в поношенном сюртуке. Его поза - полная покорность. Ярослав Михайлович, Петр Герасимович и Елизавета Алескандровна занимают места напротив. Атмосфера - ледяная, напряжённая)

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (Вежливо, но с ледяным оттенком) Благодарю за встречу, господа. Полагаю, нынешняя ситуация сложна для всех нас, и я готов к диалогу во имя восстановления справедливости и... порядка.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Кланяясь, но не отводя взгляда) Ваше Превосходительство, мы признаем, что были введены в заблуждение недобросовестным информатором. Мы не проверили его мотивы должным образом, что привело к тяжким ошибкам и нанесло ущерб вашей репутации. Мы подготовили особое заявление, где открыто признаем свою вину в части обвинений, касающихся казённых средств.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: (Метко) Так точно, Ваше Превосходительство. Мы готовы признать свою вину и исправить положение.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕСКАНДРОВНА: Мы также приносим вам наши искренние извинения, Ваше Превосходительство, и в вашем лице нашими читателями.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (Наклоняет голову, в голосе - удовлетворение, маскируемое под усталость) Ценю вашу честность, господа. Сие действительно - ох как! - важно для меня. Я готов закрыть печальную страницу недопонимания, ежели вы пожелаете совместно со мной трудиться над восстановлением доверия. Я также готов предоставить вашему изданию эксклюзивное интервью, дабы разъяснить свою позицию.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Ваше Превосходительство, мы готовы Наладить взаимоотношения. Мы желаем также восстановить доверие читателей.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (Пауза. Его взгляд становится серьезнее. Он жестом указывает на Алексея) Ярослав Михайлович, я также считаю нужным объяснить подлинную причину, по коей Алексей принёс вам ложные сведения. Оказалось, его бывшая супруга... ушла ко мне. Сие стало для него глубокой личной драмой и жаждой мести. Он вознамерился погубить меня и выдумал всю историю о злоупотреблении казёнными деньгами.

(Алексей всхлипывает, судорожно кивает, не поднимая глаз.)

АЛЕКСЕЙ: (Голос дрожит, полон отчаяния) Голос мой дрожит, исполненный глубочайшей скорби и отчаянья!

Да-да, ваше превосходительство... Был я слеп, одолеваем недугом душевным горчайшим! Ненавистью пылал к вашей особе, желанием мести охвачен был лютым! Желал... желал сокрушить вашу честь и достоинство! Совсем позабыл о возможностях Божьих и человеческой совести...

Надоумила меня ужасная мысль – похитил я некоторые бумаги важные, иные же – изготовил искусственно собственной рукою лживой! Газета эта стала оружием коварства моего! Теперь

горько сознаюсь – виноват перед вами смертельно! Молю простить меня покаянно, готов принять всякое взыскание справедливое! Готов понести любое наказание!

(Он падает перед присутствующими на колени, зарывается лицом в ладони).

(Петр и Елизавета смотрят на эту сцену с отвращением и жалостью. Ярослав Михайлович наблюдает за Алексеем с холодным, проницательным взглядом. Он не ему верит в полной мере.)

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Смотрит на Алексея, потом на Градоначальника, голос спокоен, но тяжёл) Алексей, мы принимаем твои извинения. Признание требует мужества. Главное, что правда открылась.

(Пауза. Он медленно поворачивается к Градоначальнику)

Ваше Превосходительство, позвольте задать один вопрос. Вы утверждаете, что знали об этом человеке? О его мести? И все же позволили ему добраться до нас? Неужели вы не могли предотвратить эту... трагедию?

ГРАДОНАЧАЛЬНИК: (Слегка вздрагивает, но быстро овладевает собой) Ярослав Михайлович, повергло меня в крайнее изумление деяние его бесчестное! Узнал я о замысле его уже после появления статей ваших благородных! Кто бы мог подумать, что решился он на столь гнусный обман? Потрясение моё было равносильно вашему возмущению, уверяю вас искренне!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Кивает, но в глазах - сомнение) Разделяю ваши чувства, Гавриил Дементыч! Человеческое сердце полно неожиданностей. Ваш покорнейший слуга встаёт почтительно и выражает глубокое сожаление вашим высокопревосходительством. Мы искренно приносим свои извинения и открыты к дальнейшему взаимодействию. Пусть сей печальный эпизод научит нас осмотрительности и осторожности впредь.

(Все встают. Градоначальник протягивает руку для рукопожатия. Ярослав Михайлович медленно поднимает руку. В этот момент дверь распахивается, и врывается запыхавшийся секретарь, лицо его сияет от возбуждения.)

СЕКРЕТАРЬ: (Задыхаясь) Ваше Высокопревосходительство, господин Ярослав Михайлович! Обстоятельства требуют немедленного внимания! Некий посетитель принёс нам внушительный пакет важных бумаг, открывающих новую главу невероятного скандала. Величина его превосходит всё виданное ранее! Речь идёт о казённом строительстве жилых домов, о суммах поистине колоссальных – таких огромных, каких и в самых богатых домах дворянства редко встретишь! Этот вновь прибывший свидетель твердо заявляет, что собственные руки Алексея, вон того скромного служащего, вручили ему подлинные отчёты и договора ещё раньше, нежели тот ступил порог вашего кабинета!

(Атмосфера взрывается. Алексей, стоявший на коленях, резко поднимает голову. В его глазах - не стыд, а паника. Градоначальник резко отдёргивает руку, его лицо становится каменным.)

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Мгновенно отстраняясь, его взгляд, как клинок, пронзает Алексея, потом Градоначальника. Голос - стальной, властный) Новый скандал?

(Короткая пауза.) Алексей - не просто жертва, а ключ, который передал страшное оружие другим. И Гавриил Дементыч, возможно, не просто пострадавший, а игрок, который просчитался. (Холодная, профессиональная улыбка тронула его губы.)

СЦЕНА ОБСУЖДЕНИЕ ОБЩЕНИЯ С ГРАДОНАЧАЛЬНИКОМ. #14#

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: То, что ещё вчера казалось ясным, как божий день, ныне окутано густейшим туманом недоумения и тяжких подозрений. Дело, потрясшее лучшие

гостиные столицы и едва не приведшее к трагической развязке, обретает поистине дьявольские обороты.

Господин Алексей N., до сего момента фигурировавший исключительно в роли несчастной жертвы интриг и покушений, предстает ныне в ином, куда как более зловещем свете. Поступающие из достоверных, хотя и требующих строжайшей проверки, источников сведения рисуют картину, от которой стынет кровь в жилах. Алексей – не жертва! Нет! Он, по всей видимости, есть тот самый ключ, коим было отперто хранилище страшного орудия гибели. Именно его рука, движимая ли корыстью, мстью или иной темной страстью, передала сей гибельный инструмент в чужие, не менее жадные до скандала и разрушения, руки!

Но и это не все! Фигура почтенного Гавриила Дементьича, коего общественное мнение единодушно оплакивало как пострадавшую сторону, ныне вызывает глубочайшие сомнения. Неужели этот столп благопристойности, этот барин безупречной репутации, был не пассивной жертвой, но игроком? Игроком, ввязавшимся в опаснейшую партию, кою он, увы, роковым образом просчитал? Мысли сии, будь они подтверждены, перевернут все представления о деле с ног на голову!

Один из осведомленных лиц, близких к следствию (имя коего, по понятным причинам, мы открыть не можем), позволил себе на сей счет красноречивое замечание. Выслушав последние донесения, он лишь тронул губы холодной, профессиональной улыбкой, столь знакомой тем, кто ведает темные дела столицы, и промолвил: «Кажется, господа, наша работа... лишь начинается.»

Сии слова, милостивые государи и государыни, повергают в трепет. Если столь осведомлённый муж так говорит на сей стадии, то что же кроется за завесой? Какие бездны откроются взору, когда туман наконец рассеется? Одно несомненно: скандал, едва было утихший, разгорается с новой, невиданной силой, грозя опалить репутации, некогда казавшиеся несокрушимыми. Столица замерла в ожидании новых, ещё более оглушительных разоблачений.

(Занавес стремительно падает, пока команда «Городского Вестника» решительно устремляется к выходу, оставляя Градоначальника, побледневшего от ярости, и Алексея, съёжившегося от страха, в немой сцене краха примирения. Истина восторжествовала, но цена была слишком высока, а враг - хитрее, чем казалось.)

СЦЕНА КАБИНЕТ ЯРОСЛАВА МИХАЙЛОВИЧА. ВЕЧЕР. #15#

(Команда анализирует находки. На столе – фото тела, накладная, афиша, план города).

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Итак, картина складывается. Его Превосходительство, возможно, страдающий от боязни высоты (о чем знает только его врач), нуждается в зрелищном поступке для выборов. Его «благодетели», Сидорович и Петров, предлагают диковинный «гешефт» – полет на воздушном шаре. Но не для него, а для двойника. Они находят Николая Ивановича, возможно, шантажируют его долгами, выдают ему костюм и платят за полет.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Но почему пришлось убить его? Зачем устраивать падение? Он мог бы просто незаметно исчезнуть.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Может, он хотел выдать их? Требовал за угождение больше денег?

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Возможно. Но посмотрите на место трагедии. Падение с большой высоты из воздушного шара. Кто им управлял? Кто мог подстроить аварию? Доктор Лебедев, ответственный за «курацию» Его Превосходительства, знал, что полет – фарс. Он мог бы подстроить аварию, чтобы устранить свидетеля и, возможно, свалить все на

«сумасшествие» Градоначальника, если бы тот узнал. Или... доктор Лебедев, который, может быть, в сговоре с Сидоровичем и Петровым, устроил падение, чтобы Николай Иванович замолчал навсегда, а скандал свалился на голову Градоначальника, ослабив его шансы на победу на выборах.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА: Два мотива. Два возможных убийцы. Но улики против обоих. Нам нужно понять, кто имел доступ к шару. Кто мог подложить неисправный газовый баллон или перерезать канаты.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Надо разыскать пилота шара! Он единственный, кто был там!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Встаёт) Петр, беги в аэродром на Васильевском. Узнай все, что можно о пилоте и шаре. Елизавета, попробуй найти других актёров, знавших Николая Ивановича. Узнай, чем он жил, кроме театра. Я отправляюсь... к доктору Лебедеву. Пора задать ему несколько неудобных вопросов. Будьте осторожны. Мы играем с огнём. Я отправляюсь к доктору Лебедеву.

СЦЕНА ПРИЁМНАЯ ДОКТОРА ЛЕБЕДЕВА. ДЕНЬ. #16#

(Ярослав Михайлович встречается с нервным, потным доктором Лебедевым).

ДОКТОР ЛЕБЕДЕВ (Возмущенно) Ярослав Михайлович! Как вы смеете! Я не имею никакого отношения к такой трагедии! Его Превосходительство... он в ужасном состоянии! Этот скандал с ночным полётом, а теперь и убийство... Это может подорвать его здоровье!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Холодно) Успокойтесь, доктор. Я пришел не для обвинений, а для установления истины. Вы знали, что полет совершал двойник?

ДОКТОР ЛЕБЕДЕВ: (Пауза, смотрит в сторону) Я... я подозревал это. Его Превосходительство ... он не может подниматься на экипаж второго этажа. Высота... Она его пугает до икоты. Но он не мог показать слабость перед выборами. Это была идея... других. Точно не его.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Чья идея? Сидоровича и Петрова?

ДОКТОР ЛЕБЕДЕВ: (Кивает) Они предложили. Сказали, что найдут человека. Что это будет «Гешефт». Я... я не одобрял. Но Его Превосходительство был в отчаянии. Он согласился. Я должен был «подтвердить» его «подвиг», если бы возникли вопросы и сомнения со стороны избирателей.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: А профессор Арсеньев? Его лаборатория? Вы знали о его изобретениях?

ДОКТОР ЛЕБЕДЕВ: (Растерянно) Арсеньев? Тот чудак? Я слышал о нем... Но что с ним произошло?

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: С ним - ничего. А вот его лабораторию - взломали. Чертежи похищены. На месте преступления мы нашли осколок устройства, похожего на его изобретение. Вы не знаете, кто мог это сделать?

ДОКТОР ЛЕБЕДЕВ: (Побледнев) Я... я не знаю! Я лишь знаю, что он... он очень интересовался новыми технологиями. Говорил о «новых способах управления летательными аппаратами»... Это все, что я знаю и могу сказать!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: И вы знали, что двойник угрожал разоблачить их? Что на него оказывалось давление?

ДОКТОР ЛЕБЕДЕВ (Растерянно) Нет! Я не знал! Я лишь знал, что он будет летать. Я думал, все под контролем! Убийство... это ужасно! Я бы никогда... Я пытался помочь Его Превосходительству!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Смотрит на него пристально) Вы не убийца, доктор. Вы всего

лишь соучастник в обмане. Но кто убил Николая Ивановича? Кто имел доступ к шару?

(В этот момент в кабинет входит Петр Герасимович.)

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: Ярослав Михайлович! Я нашёл воздушного извозчика! Его зовут Степан Исаич. Он в тюрьме! Его обвиняют в убийстве! Говорят, он сам признался, что перерезал канаты из мести за неуплату!

СЦЕНА ТЮРЕМНАЯ КАМЕРА. ВЕЧЕР. #17#

(Степан Исаич, пожилой, измученный человек, сидит на койке. Ярослав Михайлович и Петр Герасимович допрашивают его через решётку.)

СТЕПАН ИСАИЧ: (Хрипло) Да, я перерезал канаты! Я признаюсь! Я ненавидел его! Он не заплатил мне! Обещал сто рублей, а дал только двадцать! Я летел с ним, видел его страх... и решил, пусть падает!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Спокойно) Вы лжёте, Степан Исаич. Вы пилот со стажем. Вы знаете, что перерезание канатов на ходу - смертельно опасно и для вас. Вы бы не рискнули. И вы не могли перерезать канаты до взлёта, потому что тогда шар не поднялся бы. А он поднялся. Значит, канаты были перерезаны в полете. Но у вас не было ножа. У вас были только ваши инструменты. И вы не стали бы резать канаты, пока несёте на борту человека. Вы профессионал. А теперь скажите мне что вы знаете о профессоре Арсеньеве? О его устройствах? Что было в главном газовом баллоне?

СТЕПАН ИСАИЧ: (Пауза, смотрит на Строганова, глаза наполняются слезами) Ваша правда, господин Строганов... Не я злодеяние совершил. Меня... меня принудили к признанию. Вчерашнего числа доктор Лебедев, придя ко мне в камеру, изъяснил, что ежели не возьму я вину на себя - «мол, по злобе за неуплаченные деньги Николая Ивановича прикончил», - так меня за иное, горшее преступление на виселице вздёрнут. А коли сознаюсь, то в Сибирь сошлют, но жить оставят. Изволил мне говорить, будто Его Превосходительство в опасности, и моё деяние есть единственный способ град от скандала уберечь. При том... при сём денег дал. Немало. Для семейства моего. А насчёт профессора... (понижая голос) Сам доктор Лебедев тот баллон подключал. Сказывал, будто «новая система стабилизации» то была. Но видел я, как он внутрь штуковину малую засовывал - точь-в-точь как те, что в лаборатории у Арсеньева видывал. Трещать что-то начало... и шар вести себя странно стал. Сперва думал - ветром шатает. Ан нет! Это он, доктор Лебедев, детали профессорские употребил, дабы крушение учинить!

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (К Петру) Вот и убийца установлен. Он использовал похищенные технологии Арсеньева, чтобы устроить «несчастный случай», устранить двойника и скомпрометировать Градоначальника. Петр Герасимович, беги к надзирателю! Срочно! Арестуйте доктора Лебедева! У нас есть свидетель!

СЦЕНА КАБИНЕТ ЯРОСЛАВА МИХАЙЛОВИЧА. СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ. #18#

(Команда работает над статьёй. На столе – заголовок «Тень над городом Двойник, убийство и заговор врачей». Входит Елизавета Алескандровна)

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕСКАНДРОВНА: Ярослав Михайлович, следователь подтвердил. Доктора Лебедева арестовали. Он сознался. Хотел, чтобы Градоначальник сошёл с ума от горя и ушёл в отставку, а Сидорович и Петров получили бы полный контроль над его сменщиком.

ПЕТР ГЕРАСИМОВИЧ: А Степан Исаич?

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕСКАНДРОВНА: Освобождён. Его честь восстановлена.

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: (Смотрит в окно на город) Правда, Петр Герасимович, Елизавета Алескандровна сіе не просто слова въ листкѣ. Сіе — тяжкій долгъ, вѣчный спутникъ совѣсти. Мы спасли одного, но погибъ Николай Ивановичъ... и сей грѣхъ на насъ.

Но если тьма воцарится, кто внемлет стону правды? Печатайте. И пусть сия вѣсть, какой бы горькой ни была, взлетит надъ градомъ, какъ послѣдній крикъ честнаго человѣка.

(Звук работающего печатного станка, Пётр Герасимович, взяв в руки свежий оттиск, начинает читать мерным голосом, выделяя ключевые места.)

«ГОРОДСКОЙ ВЕСТНИК»

ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК

16 октября 1897 года

"ЛЕТУЧИЙ ПРИЗРАК": РАЗОБЛАЧЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА И УБИЙСТВА

"Сегодня наше издание вынуждено обнародовать шокирующие подробности дела, связанного с так называемым «Летучим Миражом».

Нашими репортёрами достоверно установлено:

- 1) В ночь с 14 на 15 октября сего года над городом действительно наблюдался человек в чёрном облачении, парящий при помощи аппарата, созданного на основе похищенных разработок профессора Арсеньева.
- 2) Лицо, выдававшее себя за городского голову, оказалось актёром Николаем Ивановичем Смирновым, найденным мёртвым в трущобах за Нарвской заставой.
- 3) Смерть наступила в результате падения с высоты, причём следствие обнаружило следы умышленной порчи летательного аппарата.

Особое внимание читателей мы обращаем на следующие факты:

- В кармане погибшего обнаружена записка с угрозами от неизвестного;
- На месте происхождения найден осколок устройства, идентичного тем, что разрабатывались в лаборатории профессора Арсеньева;
- Личный врач городского головы доктор Лебедев, ныне задержанный, признался в организации этого преступления.

(Пётр делает паузу, переворачивает страницу)

Свидетель, мещанин Степан Исаич N, пилот аэростата, показал на допросе:

- Доктор Лебедев лично вмешивался в устройство летательного аппарата;
- Угрожал свидетелю расправой над семьёй в случае отказа от дачи ложных показаний;
- Признался, что целью было скомпрометировать градоначальника перед выборами.

(Голос Петра Герасимовича становится твёрже)

Редакция «Городского вестника» заявляет: Мы располагаем неопровержимыми доказательствами того, что за этим преступлением стоит группа лиц, связанных с муниципальными подрядами. Имена этих господ будут обнародованы в следующем номере, после завершения официального следствия.

(Ставит газету на стол)

Подписано:

Ярослав Михайлович Строганов, главный редактор

Пётр Герасимович Басманов, старший репортёр

Елизавета Алескандровна Орлова, судебный хроникёр

(Тихо)

- Выходные данные: «Печатано в типографии купца Морозова тиражом 5000 экз.»
- Цену: «Цена за номер - 5 копеек».
- Рубрика: «Экстренное сообщение печатается без цензурных правок по высочайшему повелению.»

Вот так-то, Ярослав Михайлович... Как вам звучание передовицы?

ЯРОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ: Беллссимо, Пётр Герасимович. То, что написано в статье правда. А правда — это не просто слова в газете. Это тяжёлая ноша. Сегодня мы раскрыли заговор. Но цена раскрытия слишком высока. Актёр Николай Иванович погиб. А «Летучий Мираж»... он остался. Не в небе — в сердцах людей.

(Пауза) Не в триумфах состоит наше служение, господа. Наш долг - блюсти светоч истины в потоке городских будней. Каждая строчка в нашей газете - не победа, но честное свидетельство и отражение происходящего. Мы не судьи, а летописцы, призванные без страха и пристрастия доносить до обывателей правдивое слово о делах градских.

(Обращается к команде) Пускайте в свет номер. И пусть прозвучит правда какой бы горькой она ни была.

(Слышится гул станков. Газеты выходят из печатных машин. На первой полосе — фото костюма, квитанции, лицо Лебедева. Заголовок: «Летучий Мираж: правда и ложь за маской добродетели».)

ФИНАЛ

(Темнота. Голоса газетчиков вдали.)

ГАЗЕТЧИКИ

(Эхо)

Сенсация! Городской голова — не «Летучий Мираж»! Но кто будет следующий?

Кто летит в ночи?

Читайте «Городской Вестник»!

Господин хороший, купите газету!

(Тишина. Слышен свист ветра... и далёкий, электрический свист.)

(Темно.)